

языка принадлежат исследуемые единицы и к чему они относятся – к речи или языку), что объясняет большое многообразие терминов, употребляющихся при изучении этого их свойства: валентность, сочетаемость, дистрибуция, окружение, употребление, контекст, семантическая избирательность.

В результате рассмотрения разнообразных подходов к проблеме валентности складывается впечатление, что в основном это понятие соответствует понятию сочетаемости единиц языка друг с другом. Тем не менее, отдельные ученые стараются установить различия в терминологическом наполнении данных понятий.

Прежде всего, отметим, что в большинстве работ валентность оказывается тождественна понятию потенции или способности к определенным сочетаниям. Например, И.В. Арнольд отличает валентность как потенцию от дистрибуции как суммы возможных окружений [1, с.12] соответствующего элемента, как реализованную валентность, потому что в зарубежном языкознании дистрибуция и валентность в некоторых работах приравниваются друг к другу (И. Эрбен, Г. Хельбиг, В. Шенкель). Однако под дистрибуцией в структурной лингвистике традиционно понимается «совокупность всех окружений (контекстов), в которых может встречаться данная языковая единица, противопоставляемых всем тем окружениям, в которых она встречаться не может, т.е. место, порядок, сочетаемость и т.п. свойства ее употребления в плане расположения отдельных частей высказывания относительно друг друга» [2]. Из данного определения становится очевидным, что понятие дистрибуции шире, чем понятие валентности. На это указывает и М.Д. Степанова, считая, что «валентность не противопоставляется дистрибуции, а входит в последнюю как составная часть» [3, с.9]. Действительно, валентность, например, имен прилагательных заключается в обязательной связи их с определяемыми существительными и в отражении грамматических категорий субстантивов. В дистрибуцию же кроме валентности входит и атрибутивная функция, и местоположение по отношению к определяемому слову.

И.Г. Ольшанский в исследовании парных сочетаний слов современного немецкого языка тоже рассматривает валентность как потенцию и относит ее к явлениям языка, в то время как сочетаемость, по его мнению, предстает как ее синтагматическая реализация. Б.А. Абрамов, изучая синтаксические потенции глагола в сопоставлении с потенциями других частей речи, использует термин «валентность» в качестве количественной характеристики «соучастников» (актантов) любого лексико-грамматического разряда, а семантические особенности этих «соучастников» называет «семантической избирательностью» [4].

Для нашего исследования принципиальным представляется выяснить соотношение терминов *валентность* и *сочетаемость* как наиболее частотных в лингвистической науке, изучающей обозна-

ченные проблемы валентности и сочетаемости на материале русского языка. Отметим, что здесь (в русистике) наблюдается сходная картина: иногда эти термины употребляют как синонимы, однако в большинстве случаев все же дифференцируют. Поэтому одна из задач, вставших перед нами, – установить основание этого различия.

Так, С.Д. Кацнельсон, введший понятие «валентность» в отечественное (русское) языкознание, использует эти термины фактически как эквиваленты [5, с.63-64]. Н.З. Котелова тоже практически приравнивает сочетаемость и валентность, рассматривая данное явление на лексическом уровне: «Лексическая сочетаемость слова – это *способность* слова как лексемы сочетаться с другими словами (как лексемами), совокупность его лексических *валентностей*. Выявление лексической сочетаемости слова предполагает определение круга слов, с которыми оно может сочетаться в связной речи, и условий реализаций сочетаний» [6, с.45] (курсив наш. – А.Б.).

В словаре-справочнике Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой *валентность* трактуется как «способность слова вступать в словосочетания с другими словами» [7, с.32]. Отсюда мы делаем вывод, что это свойство одноуровневых языковых единиц, отражающее возможности системы, которые реализуются на синтаксическом уровне. В БЭС валентность также рассматривается как «способность слова вступать в синтаксические связи с другими элементами» [8, с.79]. Но далее отмечается, что «в советском языкознании развивается более широкое понимание валентности как общей сочетательной способности слов ... и единиц иных уровней» [8, с.80]. Как видим, по мере накопления знания об этом свойстве языковых элементов происходит его корректировка, существо которой заключается в осознании того, что любые единицы языка обладают валентностью, т.е. сочетательной способностью (в нашем понимании – потенцией к соединению). Этой же точки зрения придерживается Т.Я. Зотова, рассматривая «соотношение валентности и сочетаемости как лингвистической потенции и актуализации», что отражает дихотомию «язык-речь». Указание на разграничение валентности как потенции и ее реализации как сочетаемости мы находим и у Л.Н. Засориной: «Валентности характеризуют свойства различных единиц кода (языка), тогда как реализованные валентности, или связи, принадлежат сообщению (речи)» [9, с.134].

Интересное мнение относительно рассматриваемого вопроса мы обнаружили у А.Е. Карлинского в работе «Принципы, методы и приемы лингвистических исследований». Его подход несколько иной: данными терминами разграничивается качественная и количественная сторона способности к соединению. Причем эти термины вводятся, по его мнению, в связи с применением дистрибутивного метода: «Термин дистрибуция сохранился для характеристики грамматических связей слов в предложении, а для выражения лексических связей утвердился термин «сочетаемость» [10, с.42]. И далее

«Сочетаемость – способность слова находиться в непосредственном окружении определенных семантических классов слов без учета их грамматического оформления. Это качественное ограничение лексико-семантических (смысловых) связей слов внутри конструкции», в то время как «валентность – количество семантических классов слов, с которыми может сочетаться данный элемент конструкции. Это количественное ограничение сочетаемости слов» [10, с.42].

При выяснении отношений между терминами валентность и сочетаемость обнаруживается еще одна грань: в некоторых дефинициях фигурируют понятия синтагматики и парадигматики, что не менее существенно для решения поставленной задачи. Так, В БЭС *сочетаемость* подается в следующей формулировке: «это свойство языковых единиц сочетаться при образовании единиц более высокого уровня; одно из фундаментальных свойств языковых единиц, отражающее синтагматические отношения между ними» [8, с.483]. То есть уточняется, что процесс сочетаемости конкретных языковых элементов происходит непосредственно в синтагматической протяженности.

Л.А. Новиков в книге «Семантика русского языка» отмечает, что разновидность структурного значения знака «чаще всего называют валентностью (т.е. потенциальной сочетаемостью в языке), сочетаемостью (в речи) или синтаксическим значением», на том основании, что оно (структурное значение) «характеризует линейные отношения знаков, образующих вместе с их значениями определенную последовательность языковых единиц в их актуализованном одновременном отнесении друг к другу в тексте» [11, с.93-94]. Из приведенной дефиниции наиболее важным для нас является то, что возможность согласования единиц языка, заложенная в их структурном значении, определяется как валентность, реализация же их в речи – как сочетаемость, которую по-другому можно назвать актуализацией потенциальных связей этих значений в синтагматическом ряду. Значит, по логике вещей, те языковые единицы, которые имеют способность к сочетанию друг с другом, но не реализовали ее в конкретных сочетаниях, находятся в парадигматических отношениях: «В отличие от синтагматических отношений, которые даны в их актуализации, парадигматические отношения существуют как потенциальные и не характеризуют непосредственного взаимодействия лексических единиц в речи (тексте)» [11, с.97].

Резюмируя все сказанное, можно сделать вывод, что понятия «валентность» и «сочетаемость» относятся друг к другу как заложенная языковой

системой *потенция* к соединению элементов языка и ее *актуализация* в речи. Иными словами, валентность – это глубинное свойство языковой единицы, задающее семантические места для согласуемых с ней единиц, сочетаемость же – это реализованная валентность. Валентность задается системой, сочетаемость определяется узусом. Далее, мы выяснили, что до момента реализации единицы, способные сочетаться друг с другом, находятся в парадигматических отношениях, а те, что «встретились» в речи, – в синтагматических. Отсюда следует, что, рассматривая валентность единиц словообразовательного уровня, необходимо разграничивать возможность соединения морфем (как потенцию) и их актуализацию, т.е. реальную представленность этих связей в дериватах, которая дает возможность изучения закономерностей сочетаемости словообразовательных элементов и установления пустующих клеточек в словообразовательной системе языка, но могущих заполняться благодаря своим потенциально заложенным валентностям. Таким образом, валентность морфем как их потенция к соединению эксплицируется в конкретных связях этих строевых элементов только на синтагматической оси.

1. Арнольд И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования (на материале имени существительного). – М.: Просвещение, 1966. – 192 с.

2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – 605 с.

3. Степанова М.Д. Теория валентности и валентный анализ (на материале современного немецкого языка): Учебн. пособ. – М., 1973. – 110 с.

4. Абрамов Б.А. Синтаксические потенции глагола в сопоставлении с потенциями других частей речи // Филол. науки. – 1966. – №3. – С. 34-44.

5. Кацнельсон С.Д. Историко-грамматическое исследование. I: Из истории атрибутивных отношений. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 384 с.

6. Котелова Н.З. Значение слова и его сочетаемость: К формализации в языкознании. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1975. – 164 с.

7. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.

8. БЭС «Языкознание» / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М., 1998. – 685 с.

9. Засорина Л.И., Берков В.П. Понятие валентности в языке // Вестник ЛГУ. – 1961. – № 8. – С. 133-139.

10. Карлинский А.Е. Принципы, методы и приемы лингвистических исследований. – Алматы, 2003. – 184 с.

11. Новиков Л.А. Семантика русского языка. – М., 1982. – 272 с.

Бұл мақалада валенттілік және тіркесімділік терминдерінің арақатынасы қарастырылады.

The valiancy and correlation of terminology are considered in this article

М. А. Бурибаева

ОБ ОДНОМ ТЮРКСКОМ СЛОВЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Диалог двух параллельных, в то же время исторически перекрещивающихся языков и культур тюрков и славян способствовал возникновению особой научной дисциплины под названием «тюрко-славянская контактология». Данная область оказалась в центре внимания историков, культурологов, философов, лингвистов и литературоведов, которые до настоящего времени открывают новые грани в исследовании «загадочного» тюркского и славянского миров.

Центральной в настоящем исследовании является проблема изучения тюркских слов в русском языке, а именно вопросы их формальной и грамматической адаптации и те семантические трансформации, которые произошли за несколько веков «проживания» иноязычного слова в русском языке. Глубокое научное исследование заимствований, появившихся в результате контактов славянского и тюркского народов позволяют лучше понять время вхождения и ареал распространения того или иного слова в языке, а также историю развития этносов.

Из огромного числа тюркизмов*, функционирующих в современном русском языке, для анализа мы выбрали слово «кандалы», которое существует в русском языке уже шесть веков, преодолевая собственную лексическую вариативность в древне- и среднерусский период развития языка, а сейчас настолько «вжившееся» в лексическую систему русского языка, что потеряло свою «иноязычность», «чуждость» и даже в какое-то время было «актуальным» атрибутом-символом определенной эпохи – в период существования крепостного права и в дореволюционной России:

Очи-то ясные, Щеки-то красные, Пухлые руки как сахар белы, Да на ногах — кандалы! (Н.А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо (1865-1877));

Схороните и восстаньте, Кандалы порвите, Вражескою злою кровью Волю окропите! (Ф.К. Сологуб. «Как умру я, схороните...») (1924.05.30);

Почти всегда Владимир Галактионович рассказывал что-нибудь из своей жизни, и хотя в его застольных рассказах чаще всего фигурировали обыски, ссылки, аресты, жандармы, железные решётки, сибирские этапы, урядники, кандалы, часовые, — основной тональностью всех его воспоминаний был тот особенный, мягкий, непритязательный королёвский юмор, какой слышится во многих его книгах, особенно в «Истории моего современника». (К.И. Чуковский. Короленко в кругу друзей (1940-1969)).

Данные примеры извлечены нами с сайта На

ционального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), где можно встретить неизмеримое количество примеров употребления слова «кандалы» в современном русском языке: на страницах художественной литературы, средств массовой информации, в разговорной речи и т.д. В русской картине мира кандалы ассоциируются с каторгой, с Сибирью, с ссылками. Как же появилось это слово в русском языке, столь не похожее по внешнему облику на исконно русское?

Слово «кандалы» в современном русском языке употребляется только во множественном числе и обозначает «железные кольца с цепями, надеваемые на руки и ноги тем, кто арестован за особо тяжёлые преступления (в дореволюционной России и многих других странах)» [1, с. 228]. Б.А. Ларин отмечает, что в русском воровском арготизме слова «браслеты» и «манелы» обозначают «кандалы» и также употребляются только во множественном числе [2, с. 113-130]. Как свидетельствуют лексикографические источники, кандалы использовались в дореволюционной России и других странах и представляли собой «железные кольца, скрепленные цепями, надеваемые на руки и ноги обвиняемым в тяжких преступлениях», «оковы» [3, с. 373].

В памятниках русской письменности XI-XVII вв. слово «кандалы» существует в различных лексических вариантах, как *кондалы, койдалы, кайдалы*. «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П.Я. Черных свидетельствует, что современная форма «кандалы» употребляется с XVIII века (с 1731 г.) [3, с. 373]. Здесь отмечается, что в форме «кайдалы» слово стало известно с XVI века, в частности приводится пример из памятника, датированного 1551 г.: «Федка Иванов, сын *Кайдал*, вознесенский дьяк». Однако такое мнение нам представляется ошибочным, поскольку по внешнему облику слово похоже на оным и его значение не совсем понятно в данном контексте. Здесь также мы обнаруживаем, что в гл. 21 оно три раза встречается в старопечатном «Уложении» 1649 г. Например, «посылать в *кайдалах* работать» (ст.9, с. 299). Хотя составитель словаря, ссылаясь на М. Фасмера, отмечает, что «старшей формой, по-видимому, является *кайданы*».

Словарь свидетельствует, что слово «кандалы» в значении «оковы», «путы» функционирует в украинском, белорусском, болгарском, сербо-хорватском, чешском языках. «Это слово, в конечном счете, из арабского языка, ср. араб. *qaid* – «цепь», «кандалы», «оковы» <...>, м.б., при посредстве тюркских языков,

* Здесь: под тюркизмами мы понимаем слова, вошедшие в русский язык непосредственно или опосредованно из тюркских языков